

Марк Гуллик

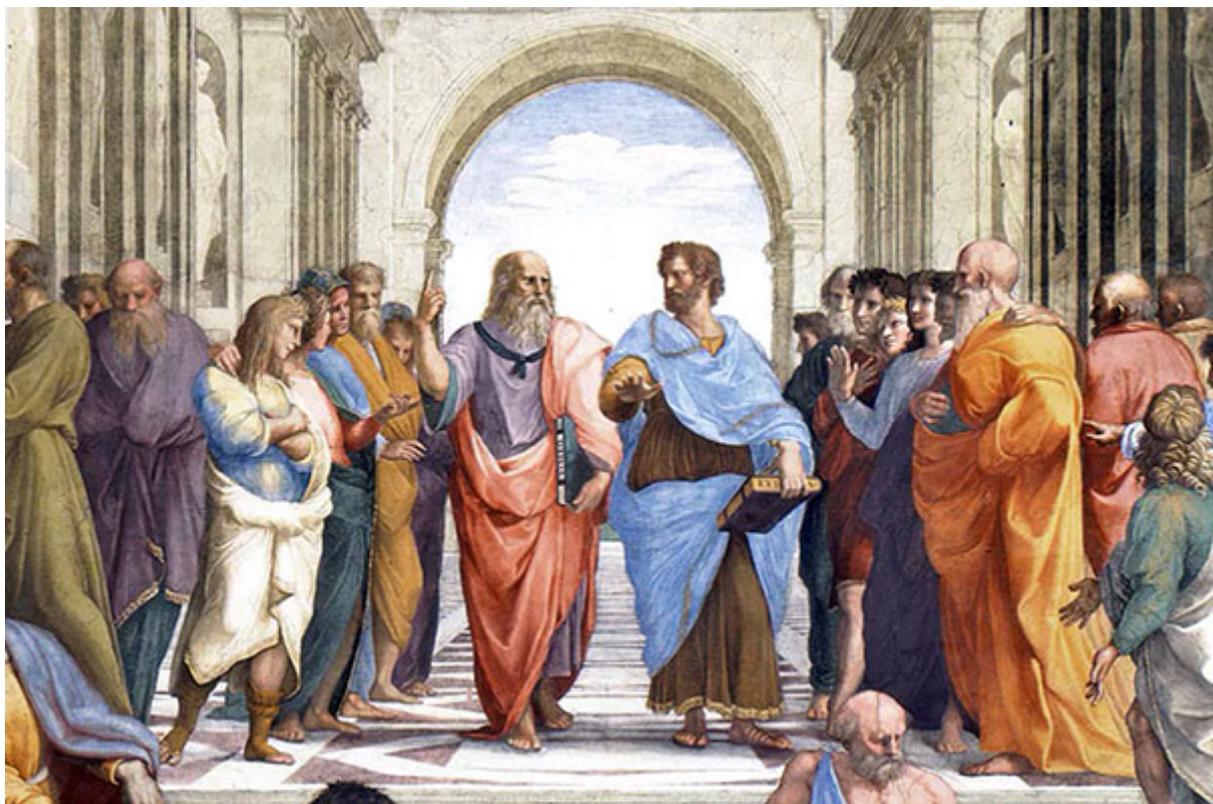
Как совершать действия при помощи слов:

«Риторика» Аристотеля

Оригинал: Mark Gullick. How to Do Things with Words: Aristotle's Rhetoric

Источник: <https://counter-currents.com/2023/06/how-to-do-things-with-words-aristotles-rhetoric/>

Перевод с английского, 2023 г. На русском языке публикуется впервые!

Рафаэль, «Афинская школа» (1511 г.)

Важно осознать, что понятия «истинный» и «ложный», как и понятия «свободный» и «несвободный», вовсе не относятся к чему-то простому, а обозначают только некоторое общее измерение, в рамках которого противопоставлены правильность, или уместность, высказывания и его неуместность в таких-то обстоятельствах, в такой-то аудитории, для такой-то цели и при таких-то намерениях». – проф. Джон Л. Остин, «Как совершать действия при помощи слов («Слово как действие», 1962).

Где убеждение, там и риторика. А где «риторика», там и «смысл». – Кеннет Бёрк, «Риторика мотивов», 1950.

Если вы никогда не чувствовали склонности читать литературу классического мира, пусть слова человека по фамилии Цукерберг дадут вам стимул. Но это не Марк Цукерберг. У Властелина Алгоритмов есть сестра Донна, и эта самая Донна Цукерберг написала книгу, будучи чем-то вроде специалистки по античной классике. Она называется «Не все мертвые белые мужчины: классика и женоненавистничество в эпоху цифровых технологий». Имея докторскую степень по классической филологии, госпожа Цукерберг находится на своей территории, но, как и все «проснувшиеся» ученые, она меньше озабочена славой классической традиции и больше озабочена цветом кожи и полом писателей, которые ее создали. Она также хорошая пуританка, Гуди Цукерберг, обеспокоенная тем, кто может читать эту грязь:

Альтернативные правые жаждут узнать больше о древнем мире. Они считают, что античная классика является неотъемлемой частью образования. Они абсолютно убеждены в том, что классическая античность имеет отношение к миру, в котором мы живем сегодня, и это утешение для специалистов по классической античности которые десятилетиями беспокоились о том, что эта область может стать неактуальной в глазах общественности.

Это прекрасно и хорошо, что к вашей области проявляют интерес, если вы пускаете туда нужных – или, вернее, не правых.

Она продолжает:

Классика, поддерживаемая худшими людьми в Интернете, может пережить ренессанс и занять позицию высшего престижа среди гуманитарных наук при администрации Трампа, как это было в нацистской Германии в 1930-х годах. Классика снова стала великой. [выделено мной]

Ну, если шанс быть причисленным сестрой самого Марка Цукерберга к «худшим людям в Интернете» не заставит вас обратиться к Платону или Светонию, тогда уж точно ничто не сможет этого сделать. А «Классика» всегда была великолепно, мисс Цукерберг. Это уровень читателей упал.

Архитектура того, что осталось от классической философии, построена вокруг столпов-близнецов Платона и Аристотеля, бывшего наставника последнего в его Академии. Платон прозвал Аристотеля *nous*, «разум». Сэмюэл Тейлор Кольридж писал, что каждый человек рождается платоником или аристотелевцем, и огромная разница между двумя направлениями деятельности, которые представляют эти имена, прекрасно выражена визуально в центральной части картины Рафаэля начала шестнадцатого века «Афинская школа», которая показывает, как пожилой Платон указывает на небо, а его младший ученик Аристотель направляет ладонь к земле. В то время как рассуждения Платона представляют собой записи разговоров и, следовательно, диалектичны в своем

первоначальном смысле, «корпус» Аристотеля состоит в основном из конспектов лекций, составленных его учениками, которые, таким образом, оказывают большое редакторское влияние на то, что мы имеем в виде аристотелевского «корпуса». Существует история о том, что один из библиотекарей Аристотеля не знал, куда поместить одну из книг, сформированных в результате этого курирования конспектов лекций. В конце концов, он сдался и поместил ее после «Физики», или мета-физики, «мета-» в качестве префикса, означающего «после». Итак, изучение метафизики начинается с безропотного выбора сбитого с толку библиотекаря.

«Риторика» Аристотеля считается первой книгой на эту тему, а также наиболее долго сохранившей свое значение. Риторика стала одной из величайших *trivium* как в академических исследованиях, так и в мире публичных выступлений, наряду с грамматикой и логикой. Но в то время как грамматика и логика носят собственно формальный характер, риторика таковой не является, поскольку определяется как «способность наблюдать в каждом конкретном случае доступные средства убеждения».

Риторика – это способность, которую нужно развивать, – пишет Аристотель, – а не наука, которой нужно учиться. Есть общие принципы. «Естественное способно убеждать, а искусственное напротив», – пишет он. Диалектика тоже не наука, и именно диалектику Аристотель начинает с противопоставления риторике. Диалектика опирается на две противоположные или, по крайней мере, различные точки зрения и работает над триадой тезис/антитезис/синтез, которая в конечном счете разовьется во всемирно-исторической программе Гегеля. Это продвинутое знание. Риторика не ищет ответа, а «существует, чтобы влиять на принятие решений».

В искусстве убеждения есть три элемента: характер оратора, способность изменять настроение аудитории и доказательство, «даваемое словами самой речи». Соответственно, риторика важна в политическом дискурсе, судебных разбирательствах и торжественных случаях. Все они включают взаимодействие между людьми так же, как и взаимодействие идей, как и в диалектике. Большая часть «Риторики» представляет собой подробный анализ возможных социальных взаимодействий между людьми, что делает ее столь же основополагающей работой по социальной психологии, как и ее заявленный предмет. Искусство риторики разворачивается на полотне социальных отношений и, таким образом, является наиболее человеческим – возможно, даже слишком человеческим – в *trivium*. Люди не всегда логичны и часто ошибаются в грамматике, но они на самом деле хорошо читают друг друга.

Давно уже не удивляет, когда краткое обобщение того или иного аспекта сегодняшнего гротескного карнавала предстает в миниатюре в творчестве одного из мастеров. Итак, Аристотель, писавший о «ложной энтимеме» (энтимема – это элемент дискурса, присутствующий в риторической речи, но не

обязательно связанный с фактами этой самой речи), представляет собой миниатюру сегодняшней эпистемологии «пробуждения»: «Из топов кажущихся [ложных] энтимем один касается способа выражения: один вид [этого топа заключается в том], чтобы как и в диалектике, окончательно выводить заключение, не построив силлогизма». Это точно соответствует утверждениям *ex cathedra*, которые поддерживают критическую расовую теорию и все связанные с ней идеологии. Это как ответы в математике без работы по решению задачи. Риторика не является правильным аргументом; это выбор аргумента, который приведет к желаемому результату.

Использование языка для воздействия на слушателя, рассматриваемое как прием, похоже, объединяет риторику с софистикой, поскольку софисты были профессиональными преподавателями философии (см. платоновского «Протагора»), которых нанимали богатые, но другие философы считали их неэтичными. Но не риторика сама по себе делает софиста. «Человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием», – пишет Аристотель.

Успешный ритор прекрасно поймет, к кому он обращается. В то время как сегодняшние политики – особенно американские женщины, такие как Хиллари Клинтон и Александрия Окасио-Кортес – делают абсурдный вид и делают акценты в зависимости от того, с кем они говорят, аристотелевская риторика требует немного больше нюансов:

Самое же главное и наиболее подходящее средство для того, чтобы быть в состоянии убеждать и давать хорошие советы, заключается в понимании всех форм правления, обычаев и законов каждой из них, а также в определении того, что для каждой из них полезно, потому что все руководятся полезным, полезно же то, что поддерживает государственное устройство. Решающее значение имеет выражение воли верховной власти, а виды верховной власти различаются согласно видам государственного устройства: сколько есть форм правления, столько и видов верховной власти.

Аристотель также перечисляет семь видов нетехнических средств убеждения, в список которых входят законы, свидетели, контракты, клятвы и, что довольно тревожно, пытки. К счастью для потомков, Аристотель не очень хорошо отзывался о последнем методе.

Что касается юридических аспектов риторики, следует отметить, что прецедент включает дополнительный элемент в классической Греции. Принимая во внимание, что в Соединенных Штатах Конституция выступает в качестве окончательного арбитра, а в Соединенном Королевстве действует римское право с его чередующимися прецедентами, ведущими (будем надеяться) к более совершенной и справедливой правовой системе с каждым решенным делом (поскольку судья либо находит прецедент в этом случае обоснованным либо же

подвергает сомнению таким образом, что это приводит к изменению), у греков был еще один источник правовой легитимности:

Под древними свидетелями я разумею поэтов и других славных мужей, приговоры которых пользуются всеобщей известностью. Так, например, афиняне все пользовались свидетельством Гомера относительно Саламина и тенедосцы недавно обращались к свидетельству коринфянина Периандра против жителей Сигея.

Гомер был арбитражным текстом для древних греков, точно так же, как Коран – для мусульман, а Библия – для христиан.

Риторика по-прежнему активна в современном мире, столь же мутировавшем и почти неузнаваемом, каким является этот мир по сравнению с тем, в котором писал Аристотель. Юридический дискурс, конечно, все еще использует силу убеждения по очевидным причинам, чтобы попытаться повлиять на судью и/или присяжных. В политическом плане теперь существует своего рода гиперриторика, с помощью которой нечто несущественное сообщается настолько убедительно, насколько это возможно. Роль публичных выступлений на современном Западе не имеет такого значения, как в классическом мире, но по-прежнему сосредоточена на риторическом расцвете.

Термин «риторика» все еще связан с «убеждением», но от Аристотеля в нем уже не осталось и следа. Вместо этого это слово просто используется как синоним слов «лексикон», «словарный запас». Мы слышим о «расистской риторике», «ненавистнической риторике» и о «раскольнической риторике», но это всего лишь возражения против определенного слова или фразы. Британские СМИ и многие другие обвинили министра внутренних дел Великобритании Суэлла Браверман в «расистской риторике» за то, что она назвала иммиграционный кризис в Великобритании «вторжением».

Последняя причуда человечества, искусственный интеллект, быстро расправится с грамматическими и логическими элементами классического *trivium*, как и было задумано. Возможно, когда искусственный интеллект полностью овладеет риторикой – если сможет – мы действительно будем настроены на мрачно пророческую смену режима, о которой мы так много слышим.

Аристотель выделяет три предпосылки для убеждения:

1. Рассуждать логически.
2. Понимать человеческий характер и добро в их различных формах, и
3. Понимать эмоции, т. е. называть их и описывать, знать их причины и способы их вызывать.

Искусственный интеллект (ИИ) был разработан, чтобы овладеть пунктом номер один, и адаптировался для имитации пункта номер два, оставляя при этом вопрос, сможет ли он достичь пункта номер три. Возможно, способность убеждать нерациональным образом остается отличительной чертой человека, маленьким бунтом против новых претендентов на трон Земли. Если ИИ действительно станет править человечеством со своей новой избранной позиции, репликанта в высокой башне, то, возможно, «Риторику» Аристотеля можно будет рассматривать как первую книгу сопротивления.

Библиотека Велесова Слобода, 2024 г.